

Хоть Мяо Гуан и Цин Дин не считались какими-то порядочными людьми, однако воспользоваться чужой бедой, чтобы тайно убить, спровоцировав вражду между всеми государствами, — подобное Фэн Мин одобрить не мог.

Князь хотел было открыть рот, но по плечу внезапно кто-то легонько похлопал, заставляя обернуться.

Жун Ху, натянув поводья и остановившись позади, приглушённо проговорил:

— Князь Мин, прошу, идёмте за мной, нам нужно поговорить с глазу на глаз.

Двое мужчин отъехали в сторону, Жун Ху, осмотревшись вокруг, хмуро отозвался:

— Здесь нет ветра. — Телохранитель слегка встряхнул поводья, ведя за собой князя, спустился по склону, где нашёл место с грудой валунов и где никто не мог их подслушать, только тогда развернулся и спешился.

Фэн Мин немного подождал и, увидев, что Жун Ху так ничего и не говорит, спросил:

— Ты не хочешь высказаться?

Жун Ху поднял взгляд и посмотрел на князя.

— Говори.

Однако телохранитель по-прежнему молчал, он славился своим немалым опытом, не впадал в панику и в замешательство, поэтому Жун Тянь и приставил его к Фэн Мину. Однако сейчас на его лице читалась небольшая нерешительность.

Терпеливо немного прождав, князь так и не услышал никакого ответа и вынужденно повысил тон:

— Жун Ху! Говори быстрее.

Юноша хмуро ответил:

— Князь Мин считает, что незачем тайно убивать Цин Дина и Мяо Гуан?

— Это... — Фэн Мин потупил взгляд и шёпотом добавил: — Я тоже знаю, что к делам государственной важности не следует проявлять мягкость, однако Мяо Гуан делает это лишь для сохранения своей родины, её положение жалкое, тем более убийство из-за угла, в каком-то

смысле, подлый приём.

— Если сегодня вечером необходимо осуществить заговор, не может ли князь Мин остановить государя?

— Само собой. — При мысли о том, как Жун Тянь в прошлый раз ворвался во дворец Дунфань, где чуть не был убит клинком, сердце князя невольно пропустило удар. — Если ему будет угрожать какая-то опасность, тогда я... тогда ради Силэй как поступить? Человеку, не стоящему под опасной стеной, действительно нет причин рисковать собой.

Жун Ху хранил молчание, однако вскоре вновь спросил:

— А если государь, стоя на своём, отправится убивать Цин Дина и не передумает, князь Мин согласится остаться здесь в ожидании государя?

На что Фэн Мин покачал головой:

— Как можно? Куда он поедет, конечно же, туда и я отправлюсь! Но с другой стороны, я всё же не одобряю убийство исподтишка, подобное поведение... — Князь взглянул на Жун Ху и, внезапно почувствовав холод, тотчас же проглотил остаток слов.

Молодое и миловидное лицо Жун Ху помрачнело, в тигриных[1] глазах промелькнул холодный, крайне пугающий блеск. Переживший немало невзгод и повидавший достаточно влиятельного и мрачного могущества, Фэн Мин сейчас при взгляде на очень сурового, чем обычно, Жун Ху неожиданно вспомнил обо всём произошедшем с ним, князем, ранее.

— Ваш подчинённый хочет спросить князя Мина, знает ли он, сколько солдат Силэй теряет из-за того, что государство Тун докучает, располагаясь на границе?

Фэн Мин застыл с открытым ртом, после чего послушно закрыл его. Князь действительно не знал.

Сегодняшнее поведение Жун Ху сильно отличалось от обычного; совершенно не желая легко щадить, телохранитель всё в том же тоне серьёзно спросил:

— Князь Мин всё-таки знает?

— Я... не знаю. — И князь опустил взгляд.

— В таком случае князь Мин знает, что объединённые войска Ли, Тун и Боцзянь в несколько раз превысят силы Силэй?

— ....Не знаю.

— Если Силэй официально сойдётся с ними всеми на поле боя, то сколько рядовых солдат Силэй поляжет, князь Мин знает?

— Я... много...

Воздух вокруг них стал плотнее, вызывая дрожь, Жун Ху хоть и не злился, однако это было невыносимо в сравнении с необузданным гневом. Князь лишь чувствовал, как сердце будто сдавливают свинцом, к тому же его слегка охватывали угрызения совести.

Увидев, как Фэн Мин от обиды низко наклонил голову, Жун Ху почувствовал сожаление, однако, не сбавляя напора, холодно добавил:

— Тайное убийство является поспешным решением, враг находится в укреплённом городе, где ситуация неясна, и необходимо присутствие государя. Это дело имеет огромное значение, мы сможем вскоре объединиться с войском Юнъинь и пойти войной на захватившую престол семью Тун. Если государь лично поведёт отборное войско убить Цин Дина и Мяо Гуан, как раз опровергая слух о смерти императора Силэй, не только вражеский союз стран распадётся, но ещё и создаст внушительное положение императору, заставляя народ Силэй надеяться на возвращение великого государя. Тогда, чтобы вернуть престол, ни к чему тратить множество человеческих жизней. — Сделав паузу, телохранитель пристально посмотрел на Фэн Мина и спросил: — В такой ситуации князь Мин всё ещё хочет остановить государя от похода в Ханьгуй?

Молчаливый князь скрепя сердце ответил:

— Тогда я составлю ему компанию, и мы вместе отправимся туда.

Жун Ху напрямую сказал:

— Положение князя Мина особое, а умением владеть мечом он не превосходит бесстрашных солдат государя.

Покраснев, Фэн Мин принуждённо отозвался:

— Даже если я плохо владею мечом, сгожусь в качестве подкрепления.

— Князь Мин может поручиться, что государь не станет отвлекаться на него?

Князь долгое время хранил молчание.

Жун Ху вздохнул, его лицо смягчилось, и он перешёл на шёпот:

— Причину многих вещей князь Мин понимает здраво, вот только зачастую голос сердца не сравнится с разумом, и только. Это человеческая слабость: разумом понимает, как должен поступить, но в конечном итоге выбирает неправильный вариант.

Фэн Мин удручённо кивнул, хмуро говоря:

— Я знаю, ты прав, однако оставаться здесь и с беспокойством ожидать новостей от Жун Тяня — действительно мучение.

— Из всего сказанного князь Мин согласен ненадолго расстаться с государем, позволив ему с войском уехать, чтобы осуществить покушение?

Князь кивнул, а потом покачал головой и с тяжёлым вздохом добавил:

— Что делать? Даже если я сейчас соглашусь. Однако, боюсь, стоит мне увидеть, как он, подстёгивая коня, удаляется, тотчас же брошусь за ним след, вынуждая его взять меня с собой. Контролировать себя действительно очень трудно. — На лице появились скорбь и бесконечное страдание.

— Князь Мин ещё не понял, почему Ваш подчинённый захотел с Вами поговорить? — и на губах появилась шелковинка лёгкой улыбки. — Государь уже, взяв с собой Ле-эра и половину войска, уехал.

Изумившись и спустя долгое время вскрикнув от ужаса, князь подстегнул коня и взобрался на склон.

Действительно, Жун Тяня и Ле-эра уже след простыл, оставив лишь главнокомандующего Мянью Я, который, приветствуя, проговорил:

— Государь приказал мне сказать князю Мину, что они вернутся как можно скорее, подождите здесь и не принимайте поспешных решений.

Слова Жун Тяня «послушно ждать здесь» Мянью Я не осмелился говорить Фэн Мину, поэтому специально убрал «послушно».

— Как так можно! — злился Фэн Мин. — Этот гадкий подлец Жун Ху, он почти до смерти меня напугал. — И князь обернулся, как раз встречаясь со взглядом чёрных глаз телохранителя.

Жун Ху, подстёгивая коня, держался рядом с князем и вместе с ним всматривался в сторону Ханьгуй.

Небо постепенно темнело, и главные ворота Ханьгуй скоро уже должны были закрыться.

Фэн Мин, негодуя в душе, так и не проронил ни слова.

На что стоящий рядом Жун Ху шёпотом спросил:

— Князь Мин считает, что подчинённый — гадкий, в чём Ваш подчинённый провинился?

Тон звучал без шелковинки робости и отчаяния.

Фэн Мин, стоящий сбоку, обернулся и уставился на него.

Жун Ху проговорил:

— Ваш подчинённый с малых лет прислуживал государю и никогда не видел, чтобы государь так ценил кого-то. Появление князя Мина очень обрадовало государя, поэтому Ваш подчинённый согласился когда угодно пожертвовать жизнью, защищая князя Мина.

Телохранитель повернул голову и встретился с взглядом Фэн Мина, при этом в глазах читалась серьёзность.

Иногда даже ветерок не смел тревожить его слова, позволяя коротким локонам прижаться к лбу и превращая его в словно высеченное изваяние.

— Некоторые слова Ваш подчинённый уже долгое время хранит в душе, князь Мин хочет их услышать?

Казалось, Фэн Мин смутно понимал, что именно хотел сказать Жун Ху, и показал строгость:

— Говори, я слушаю.

Похоже, что Жун Ху потребовалось привести в порядок сумятицу в голове, и, глядя вдаль, он глубоко вдохнул свежего воздуха и спустя некоторое время смело проговорил:

— Возможно, князь Мин очень любит государя, однако тот, кто хорошо понимает государя, — не князь Мин. В глазах князя Мина Жун Тянь просто Жун Тянь, не более. Но на самом деле Жун Тянь был рождён императором, и чаще всего он не Жун Тянь, а государь. — Жун Ху продолжил: — Любить государя — дело непростое, а князю Мину крайне сложно разграничить личную жизнь и политические дела, и это может повлиять на истинное суждение государя. В те дни, когда Мяо Гуан получила возможность спокойно покинуть Силэй, она как раз воспользовалась этой лазейкой.

Он остановился и, повернув голову, внимательно посмотрел на Фэн Мина.

Тяжело выдохнув и изучив внешний облик Жун Ху, князь, глядя вдаль, сделал глубокий вдох, обдавая прохладным воздухом лёгкие, потом медленно выдохнул и спросил:

— Тогда как я должен поступить?

Жун Ху задумался и спустя долгое время прямодушно задал вопрос:

— Князь Мин правда хочет услышать ответ подчинённого?

— Не стесняйся, говори.

— Ну хорошо. — Жун Ху, стиснув зубы, проговорил, подчёркивая каждое слово: — Прошу князя Мина хорошенько запомнить слова подчинённого: лишь император Силэй способен решать судьбу Силэй, только у государя есть право на стратегическое и политическое решения.

С западной стороны алое солнце наполовину окрасило облака словно кровью, заставляя Фэн Мина застыть, глядя на этот мягкий и прекрасный вид.

«Лишь император Силэй способен решать судьбу Силэй».

«Лишь государь имеет право на стратегическое и политическое решения».

Князь наконец-то понял, о чём беспокоился Жун Ху.

Он наконец-то понял, почему Жун Ху решил, перед тем как вернуться в Силэй, высказать это.

Императорская власть не допустит проблем, кто угодно, пусть даже Фэн Мин, не может сумасбродно пытаться контролировать решения Жун Тяня.

Жун Тянь является императором.

Захочет войну, будет война, захочет мира, будет мир.

Идти в карательный поход, вступать в альянс, проводить диверсию или тайное убийство — если император приказал, да будет так, никто не должен усомниться.

В конце концов, это эпоха деспотичного правления, а не демократии.

Князь, не проронив ни слова, развернул коня и медленно спустился вниз по склону, найдя тихое и уединённое место, спешился и сел на большой камень.

Беспокойства Жун Ху небезосновательны, во время решения государственно важных дел действительно неприемлемо, чтобы мнение князя повлияло на государя.

Даже если, к примеру, президент США рассматривает вопрос национальной обороны, то не принимает во внимание мнение первой леди.

Тоскливо хлеща кнутом жёлтую почву, князь время от времени поднимал пыль.

Он Жун Тяня.

Но Жун Тянь, Жун Тянь его?

— Вопрос любви труден... — Фэн Мин вздохнул. — А от политики ещё больше головной боли. Неужели в будущем Жун Тянь пойдёт на какой-нибудь риск или решит отослать меня в какое-нибудь тихое место, и я покорно смирюсь с судьбой?

Послышались шаги кожаных сапог, ступивших на твёрдый грунт, Фэн Мин поднял голову и проговорил, обращаясь к Жун Ху:

— Тебе незачем повторять сказанное, мне нужно хорошенько поразмыслить над твоими словами. Даже если моя прежняя точка зрения ошибочна, так или иначе мне нужно немного подумать, чтобы привести в порядок мысли. Кстати, хочу поинтересоваться: ты больше не будешь таким строгим, ругая меня?

Высказав всё, что долго таилось на душе, Жун Ху пребывал в прекрасном расположении духа, а мрачность, похожая на сажу, скопившуюся на дне кастрюли [2], уже исчезла с лица, однако сам телохранитель, услышав ропот князя, с беспокойством сказал:

— Как смеет Ваш подчинённый ругать князя Мина? Ваш подчинённый пришёл доложить князю Мину, что мы обнаружили, что по дороге от городской стены Ханьгуй...

Слова прервались. Мянъ Я спустился вниз по склону:

— Вернулся! Государь вернулся! — Поднялся на возвышение, где все вскоре ясно увидели всадника, скачущего по дороге из Ханьгуй.

Фэн Мин и Жун Ху с изумлением подпрыгнули, даже не оседлав коней, торопливо преодолели несколько больших валунов и, повернув в маленькую рощу, так удачно натолкнулись на возвращающегося со всем войском Жун Тяня.

Император сказал со смехом:

— Поначалу хотел тихо подкрасться сзади и напугать тебя, кто ж знал, что ты разгадаешь манёвр.

Ехавший на коне за Жун Тянем Ле-эр подмигнул князю.

Фэн Мин, издав приветственный возглас, вскочил на коня к Жун Тяню. Отчего молодой мужчина специально истошно закричал и, держа в объятиях князя, выпал из седла, пару раз перекатился по лугу, после чего остановился и со смехом вымолвил:

— Таким способом приветствуешь императора Силэй?

Князь ещё не отошёл от быстрого бега и задыхаясь спросил:

— Почему так скоро? Я предполагал, что ты по крайней мере вернёшься через два часа.

Жун Ху также подоспел и, совершенно не увидев никаких следов ожесточённого боя, хмуро проговорил:

— План отменился? Или случилось что-то непредвиденное?

— Действительно случилось, к тому же непредвиденное событие. — И Ле-эр прямодушно ответил: — Мы ещё не успели достичь стен города, как получили новости, что в Ханьгуй уже ввели военное положение. И в итоге вернулись, так и не войдя в городские ворота.

Фэн Мин испугался:

— Неужели об этом узнали? Мяо Гуан и они уже предприняли какие-то меры?

Жун Тянь, пребывая в хорошем настроении, посмотрел на князя, говоря:

— Дам тебе ещё один шанс.

Долгое время Фэн Мин хлопал ресницами, размышляя, но так не и мог найти ответа и, подавленно покачав головой, сказал:

— Я, правда, не могу придумать причину. Если вы были на пути в город, то Цин Дина и Мяо Гуан убил кто-то другой? Кто-то, обладающий храбростью?

— Ха-ха-ха! — разразился смехом Ле-эр и, изо всех сил захлопав в ладоши, проговорил: — Достойный князь Мин, такую сложную загадку смог разгадать.

— Что? Оказывается, так оно и есть? — Фэн Мин изумился вместе с Жун Ху. — И знаете, кто это?

Ле-эр покачал головой:

— Мы, услышав эти новости, сразу же вернулись. Кто убил, кто дал указания, никто не знает.

Жун Тянь, потянувший за собой князя на траву, поднялся и объяснил:

— Неизвестно, кто этот человек, однако его мысли совпали с нашими. Позднее отправим людей расследовать данную ситуацию, а сейчас немедленно отправляемся в путь, дабы не встретиться с войском Ханьгуй, что разыскивает убийцу.

Жун Ху сразу же кивнул со словами:

— Правильно, если нас примут за убийц, тогда действительно можем быть несправедливо обвинены.

— Мой конь! — Фэн Мин внезапно легко окликнул и смущённо добавил: — Как только услышал, что ты вернулся, тотчас же обрадовался, даже бросил коня неизвестно где и прибежал сюда. Пойду притащу его. — Развернувшись, князь не успел сделать шаг, как Жун Тянь схватил его за локоть.

Фэн Мин обернулся и посмотрел на императора Силэй.

Жун Тянь шёпотом спросил:

— Ты злишься?

Князь был в недоумении:

— Из-за чего злиться?

— Я велел Жун Ху задержать тебя, не позволив следовать за нами. — И молодой мужчина с осторожностью спросил: — Ты на меня злишься?

— А-а... — подумав, князь покачал головой. — Не злюсь, ведь ты не ходил тайком от меня к проституткам [3], к чему злиться?

Жун Тянь с изумлением проговорил:

— Правда совсем не злишься?

— Не злюсь.

— Даже нисколько не расстроен?

— Я совершенно не мелочный. — Фэн Мин скорчил гримасу императору Силэй. — Пойду приведу коня. — И, словно струйка дыма, умчался.

Жун Тянь взглянул на Ле-эра, который, в свою очередь, почесал затылок, пребывая в недоумении.

Все вновь оседлали коней и отправились в путь.

Мянь Я с несколькими людьми ехал впереди, разведывая, а император Силэй вместе с князем ехали по центру.

Жун Тянь по-прежнему находился в изумлении от нынешнего и неожиданного великодушия Фэн Мина и, наблюдая за выражением лица, спросил:

— О чём ты думаешь?

— Я? — Князь, очнувшись от задумчивости, посмотрел по сторонам и нашёл лицо Жун Тяня. — Ну, я думал о межгосударственных различиях.

— О межгосударственных различиях?

На что Фэн Мин, не пожелав отвечать, прошептал, обращаясь к императору Силэй:

— Я немного устал, обними меня.

Жун Тянь улыбнулся, подъехав ближе, обхватил князя за талию и, держа, пересадил к себе на коня:

— Обопрись на мою грудь и поспи, ручаюсь, так спать будет гораздо удобнее.

Другие охранники, что были рядом, приблизились и позаботились о коне Фэн Мина.

Ле-эр специально держался позади и, тихо приблизившись к Жун Ху, спросил:

— О чём ты сегодня говорил с князем Мином?

Уголок глаза дёрнулся, а сам Жун Ху, не подав виду, ответил:

— Что я мог сказать: тотчас же рассказал о нынешней ситуации и попросил князя Мина войти в затруднительное положение государя.

— А ещё?

— А что ещё? — Жун Ху посмотрел на младшего брата, в глазах стремительно промелькнула шелковинка холода. — Как я могу говорить князю Мину ерунду?!

Ле-эр с сомнением нахмурился:

— В конце концов на этот раз государь оставил князя Мина, а князь Мин, к удивлению, ни разу не посетовал, в самом деле странно.

— Князь Мин всегда учитывает общие интересы.

— Правда?

— А почему нет? — предупреждающе уставился Жун Ху на Ле-эра.

Последний опустил голову, задумавшись на долгое время, и, двигаясь вперёд, пробормотал, словно стараясь вонзить в ухо Жун Ху глубокие думы:

— Пусть будет так...

Глядя в лунном свете на силуэт Ле-эра, Жун Ху слегка улыбнулся.

Месяц скользил сквозь вершины деревьев.

Этот Юн И как раз ждёт не дожждётся на границе Юньинь.

Примечания:

[1] Ху — 虎 — означает «тигр».

[2] Обр. очень чёрный.

[3] В оригинале фраза звучит как «бродить меж цветов и ив» —наслаждаться весенним видом, а также означает «ходить к проституткам, вести развратный образ жизни».

<http://bllate.org/book/13377/1190168>